

Цяньлун всегда отличался редким своеобразием, особенно теперь, когда ушли в небытие те немногие, кто был способен его обуздать. Стоило кому-то снискать его расположение, как император напрочь отказывался замечать чужие наветы. Его ничуть не заботили мелкие уловки фаворитов. Какая радость править безропотными куклами, трепещущими от каждого монаршего вздоха? Будучи владыкой умиротворённой Поднебесной, он лишь тешился зрелищем людских страстей. Император умышленно потакал любимчикам — пускай интригуют, пока их игра разворачивается под его строгим надзором. Мелкие капризы любимцев он воспринимал как невинную ласку комнатной собачки, а редкие проявления мягкости позволяли ему щеголять славой милосердного государя. Быть предметом лести чертовски приятно, особенно когда в славословиях теплится крупица правды.

Что же до шёпота о его самодурстве? Цяньлун лишь тихо усмехался. Какой единовластный правитель не грешит суровостью? Ему требовался лишь благопристойный фасад. Слушать горькую правду? Оставим это неудачникам, незачем так истязать себя. Именно поэтому он фактически лишил прежней силы Службу прилипающих шестов, оставив за тайными соглядатаями единственную обязанность — бдеть над его личной безопасностью. Обо всём прочем докладывать наверх запрещалось.

Мня себя великодушным и добрым правителем, Цяньлун души не чаял в Пятом принце Юнци и наложнице Линь-фэй. Они почитали его совершенством, и он платил им безграничной лаской. Тем горше было видеть, как его любимый сын теперь не сводит вожделеющего взгляда с девицы весьма заурядной внешности. Последующие излияния Линь-фэй, всегда столь чуткой и понимающей, впервые показались императору приторными. А вот девчонка, назвавшаяся его дочерью, буянила забавно. Что ж, пускай развлекает его, покуда не надоеет.

Пребывая в дурном расположении духа, император надолго заперся во Дворце Небесной Чистоты под предлогом неотложных государственных дел. Однако врождённая подозрительность монарха в конце концов взяла верх. Вновь и вновь взвешивая недавние события, он поймал себя на смутных сомнениях и тайно отправил верных людей в Цзинань.

Впервые за долгое время затребовав доклад у Службы прилипающих шестов, Цяньлун помрачнел. Он вдруг осознал, что за столько дней так и не снизошёл до объяснений с императрицей касательно происхождения Сяо Яньцзи. Сплетни, предоставленные сами себе, наверняка уже наводнили весь Пекин. В тот миг он впервые пожалел, что не унаследовал от покойного отца славу безжалостного деспота, одно имя которого заставляло языки цепенеть.

«И почему Нала сама не идёт ко мне с расспросами? — Цяньлун со злостью швырнул доклад на стол. — Неужели считает себя выше этого?»

— Велите готовить паланкин. Во Дворец Икунь!

Глядя на его грозное лицо, евнух Гао Уюн впервые подумал, что в жилах нынешнего владыки действительно течёт кровь сурового покойного государя.

Император шагал стремительно, не замечая прохладных порывов ветра. Злость внутри лишь разгоралась: поведение Налы казалось ему верхом мелочности и гордыни. Неблагодарная женщина! Стоит дать этим бабам хоть каплю воли, как они тут же забывают своё место.

Весть о том, что разгневанный повелитель направляется в обитель супруги, мгновенно всколыхнула сонный застой гарема. Обитательницы дворца, истомлённые наглым поведением принцессы Хуаньчжу, воспрянули духом. Слишком давно владыка не устраивал грозы в покоях императрицы! Меж тем наложницы с удивлением осознали, что и саму Налу они не видели уже целую вечность, почти позабыв её холодный и строгий лик. Во тьме Запретного города бесшумными тенями заматались соглядатаи разных фракций. Ночная столица медленно обнажала свои хищные клыки.

Нала посмотрела на Иньжэна, который за вечер осушил уже без счёта чашек чая, и на Хунши, чьи веки слипались от усталости, хотя тот упорно заставлял себя сидеть прямо. Императрица вдруг улыбнулась — ярко и тепло, словно весеннее солнце.

От неожиданности Иньжэн вздрогнул, пролив несколько капель горячего напитка себе на пальцы. Хунши мгновенно стряхнул остатки сна, бережно перехватил руку брата и принялся усердно дуть на покрасневшую кожу.

Прикрыв рот расшитым шёлковым платком, императрица сделала знак служанкам принести мазь и неторопливо подошла к сыновьям.

— Тринадцатый, чай твоего Двенадцатого брата остывает уже добрых четверть часа, — мягко проговорила она. — Едва ли он мог обжечься.

И всё же она забрала из рук служанки Бияо баночку со снадобьем и принялась бережно втирать его в кожу Иньжэна. Лишённый титула наследник смущённо опустил глаза. Несмотря на ласковую улыбку мачехи, Хунши тоже почувствовал неловкость и торопливо отвёл взгляд.

Нала ласково коснулась щеки Иньжэна, похлопала по плечу прислонившегося к ней Хунши, и она вновь посерьёзнела.

— Вы оба уже совсем взрослые, а ваша матушка вовсе не глупа. — Она легонько щёлкнула Иньжэна по лбу, не дав ему заговорить. — Занимайтесь своими делами и ни о чём не тревожьтесь. Моя обитель — тихая пристань, и я буду ждать вас здесь.

— Матушка, мы вынуждены откланяться.

Императрица лишь молча кивнула в ответ.

Стоило им покинуть покои, как резкий ночной порыв заставил Хунши поёжиться. Следовавший поодаль слуга Ли Сян поспешно набросил на плечи молодого господина плотный плащ и тут

же отступил в тень.

Полная луна заливала дорожки серебром. Иньжэн жестом велел Линь Яо идти впереди с тусклым фонарём, а сам взял Хунши за руку. Они молча двинулись по петляющим тропинкам дворцового сада.

Нежданное явление принцессы Хуаньчжу грозило обернуться неведомыми бедами. Прежний хрупкий покой, который так бережно хранили и во дворце, и при дворе, дал трещину. Повсюду крепи невидимые течения — опасные и тёмные, точь-в-точь как эти ночные аллеи, где свет едва разгонял мрак.

Заметив, что шаг брата становится всё тяжелее, Хунши удивлённо поднял голову. Иньжэн застыл, устремив отрешённый взор к россыпи звёзд. В чертах его лица не было ни печали, ни радости; гордое и глубокое одиночество, всегда спавшее в глубине его души, теперь проступило со всей очевидностью. В этот миг он казался небожителем, утомлённым бранным миром и готовым вот-вот вознестись над землей и улететь.

Сердце Хунши тревожно сжалось. Он изо всех сил стиснул холодные пальцы брата и тихо позвал:

— Брат...

Иньжэн встряхнулся, возвращаясь к реальности, и взглянул на него. Юноша едва заметно и привычно улыбнулся. Ледяной лунный свет в его глазах мгновенно растаял, уступив место мягкому теплу.

— Я здесь, — негромко отозвался он и свободной рукой заботливо поправил воротник на плаще Хунши.

Хунши улыбнулся в ответ — без привычной маски благородного мужа, а просто, по-детски искренне и немного смущённо.

Иньжэн рассмеялся, и в этом смехе не было ни капли притворства — лишь искреннее тепло старшего брата, оберегающего своего младшего.

К обители супруги Цяньлун подошёл грознее тучи. Нала во главе придворных уже ожидала его у самых дверей, склонившись в глубоком поклоне. Не желая устраивать сцену на глазах у челяди, император лишь сухо бросил:

— Вольно.

Не замедляя шага, он прошествовал мимо неё прямо в главные палаты. Выпрямившись, императрица проводила взглядом его удаляющуюся спину. Она едва заметно и иронично

усмехнулась. Оглядев застывших слуг, она оперлась на руку матушки Жун и величаво последовала за супругом.

Опустившись на почётное место, Цяньлун ждал появления жены. Но стоило Нале переступить порог, как он на мгновение опешил. Давным-давно он не видел её столь умиротворённой. Обычно их встречи превращались в череду взаимных упрёков: она с каменным лицом принималась читать ему нотации, он в ответ взрывался гневом, вспыхивала ссора, и всё заканчивалось тем, что император в ярости покидал дворец. Теперь же, глядя на её спокойный облик, Цяньлун внезапно ощутил укол меланхолии. Накопившееся раздражение само собой поухло.

Заметив, что гнев государя сменился унынием, Нала не стала ломать над этим голову — за собой она никакой вины не знала. Указав на изящную пиалу в руках служанки Бияо, она мягко предложила:

— Ваше Величество, повара моей личной кухни приготовили отвар из семян лотоса. Не желаете ли отведать?

Цяньлун рассеянно кивнул. Евнух спешно снял пробу на яд, после чего императрица самолично налила отвар в чашу и поднесла супругу. Тот молча принял угощение. Между царственными супругами повисло молчание. Слуги замерли, боясь издать хоть звук. В покоях воцарилась тишина — глубокая, но, вопреки обыкновению, лишённая прежней удушливой враждебности.

За последние дни император изрядно вымотался, а череда нелепых событий оставила в его душе горький осадок. Время сна ещё не пришло, и ему хотелось простого человеческого общения. Разговор сам собой зашёл о детях, которых Нала опекала с особым рвением.

Слушая, с каким воодушевлением Нала рассказывает о сыновьях и приёмной дочери, Цяньлун невольно залюбовался переменой в её лице. Она с упоением расписывала, какими послушными и заботливыми растут Юнцзи, Юнцзин и принцесса Ланьсинь. Нала с гордостью продемонстрировала мужу искусное шитьё дочери и забавные безделушки, которые мальчики раздобыли для неё на городских рынках.

«Мы оба балуем своих детей, — император с горечью отвёл взгляд от расшитых вещей. — Но почему мой любимец при этом приносит мне одну лишь головную боль?»

Уловив внезапную перемену в настроении супруга, императрица пытливо заглянула ему в глаза:

— Ваше Величество?

Поддав мимолётную слабость, Цяньлун напустил на себя равнодушный вид:

— Что тревожит тебя, Нала?

Вспомнив, в какое неистовство пришёл Иньжэн во время их недавней беседы, императрица едва сдержала улыбку. Но голос её остался ровным:

— Я бы хотела подыскать для Юнцзина нового Хаха чжуцзы.

Несмотря на тень недовольства, мелькнувшую на лице государя, он всё же спросил:

— И чей же это отпрыск?

— Уланара Минжэнь, младший сын моего двоюродного брата.

Упоминание клана Уланара заставило Цяньлуна внутренне напрячься. Он призадумался, сиюсь воскресить в памяти образ этого юноши. Да, знатностью тот не отличался, зато слыл малым благонравным; в словесности не блистал, но в седле держался отменно и из лука бил без промаха. Император нахмурился, пытаясь разгадать умысел жены. Зачем ей понадобился этот тихий, ничем не примечательный парень? Тонкая политическая игра? Или же...

Выждав, пока супруг взвесит все за и против, Нала спокойно пояснила:

— Помнится, в детстве Юнцзи рос болезненным, но благодаря совместным упражнениям с Фуканъанем окреп духом и телом. Младший же с пелёнок тянется за старшим братом и тоже пристрастился к воинским забавам. Минжэнь ловок в ратном деле и рассудителен не по годам. Если он будет присматривать за Юнцзином, моё материнское сердце обретёт покой.

Цяньлун мысленно то соглашался с ней, то качал головой. Наверняка императрица прельстилась не столько рассудительностью юноши, сколько его простоватой исполнительностью. Семейство Уланара действительно славилось суровым воспитанием: великих свершений за ними не числилось, но и промашек они никогда не допускали. При одной мысли о собственном сыне, готовом целыми днями гонять коней до изнеможения, у императора разболелась голова. В этот миг до него дошло, почему этот мальчик вызывал у него такое глухое раздражение. Его собственная плоть и кровь, а повадками — вылитый Хунси!

Уж в чём, а в умении извлекать выгоду Цяньлуну отказать было нельзя. Порывшись среди подношений жены, он прибрал к рукам изящный шёлковый узел, сплетённый принцессой Ланьсинь, и прихватил резной бамбуковый стакан для кистей. Заметив, как на лице Налы проступила мимолётная досада, император почувствовал, как на душе у него потеплело.

На следующее утро, перед самым выходом к советникам, Цяньлун особо наказал жене, дабы Ланьсинь вышила для него поясной мешочек для благовоний. Императрица покорно склонила голову, соглашаясь, но стоило владыке скрыться за порогом, как приветливое выражение сошло с её лица.

По пути во Дворец Небесной Чистоты император вспомнил, что раны Сяо Яньцзи уже затянулись. Раз уж она обязана блюсти траур по безвременно ушедшей матери, да и само её положение при дворе выходило за рамки обычного порядка вещей, то и покои ей следовало выделить особенные — под стать её диковатому нраву.

Очередное взбалмошное повеление государя прогремело среди обитательниц гарема подобно грому среди ясного неба.

Как же так?! Император шёл в обитель Налы карать и крушить, а в итоге остался на ночь?! Более того — принцессу Хуаньчжу переселили в театральный павильон, который испокон веков служил лишь забавой для заезжих лицедеев и театральных постановок!

Знатные дамы в растерянности комкали тончайшие шелка, изнывая от жгучего любопытства. Сердца их сжимались от зависти и непонимания, и каждая готова была отдать всё, лишь бы лично явиться к императрице и выведать правду.

Однако Нала предусмотрительно отменила утренние поклоны, оставив ворота Дворца Икунь наглухо закрытыми для праздных посетительниц. Порвав в досаде не один платок, несчастные наложницы заставляли слуг без конца пересказывать скудные крупички слухов. В ход пошло всё их богатое воображение, и вскоре гарем сошёлся на двух неоспоримых выводах. Во-первых, императрица сумела растопить лёд в сердце повелителя и явно возвращала себе былое влияние. Во-вторых, Нала терпеть не могла новоявленную принцессу, раз уж ухитрилась сослать девчонку с глаз долой — в театральный павильон.

Прослышав об этом, Иньжэн, Хунши и Иньти лишь в унисон прижали ладони к лицам. Этот взбалмошный Хунли воистину творил всё, что взбредёт в его непутёвую голову. Бог весть, какая шестерёнка в его разуме соскочила на сей раз!

Сама же Нала, узнав об очередных гаремных толках, лишь безразлично вздохнула. Она велела служанке Бияо приготовить сладости для Ланьсинь, а сама свитком раскрыла дорожные заметки и устроилась у раскрытого окна.

«Пускай болтают, — Нала перевернула страницу старого свитка. — Семь бед — один ответ, терять мне всё равно нечего»